

Возможно, что в развитии культа Георгия в Киевской Руси свою роль сыграло то, что Ярослав при крещении принял его имя и рассматривал его в качестве своего покровителя. В распространении почитания Георгия киевские князья видели одно из средств утверждения своего авторитета. Возможно, что еще при Ярославе было переведено на русский язык житие Георгия.¹ Сцены из жития Георгия-мученика украшают стены одного из пределов киевской Софии.² Изображение воина Георгия украшает печати Ярослава.³

Судя по древнейшей редакции русского жития Георгия, совершенный им подвиг понимался в ней так же, как и в Византии. Георгий одерживает победу с помощью молитвы-заклинания, а не с помощью своей воинской доблести.⁴ В сущности дело обходится без открытого столкновения между святым и драконом. Бескровно победив врага, Георгий обращается к освобожденным им людям с поучением. Соответственно этому в древнейших русских изображениях Георгия-воина преобладают черты проповедника христианства, мученика; он держится торжественно; его огромные глаза горят пламенной верой. Возможно, что этим подчеркивалось в Георгии его покровительство князьям, как насадителям на Руси нового вероучения.

Однако было бы неверно считать, что почитание Георгия на Руси объясняется лишь тем, что он считался покровителем князей и оплотом церкви. На Руси еще в большой степени, чем в Византии, на Георгия стали переносить выработанные в народе представления о доблестном воине, славном витязе, бесстрашном борце за правду. Благодаря этому Георгий-воин стал излюбленным героем народного творчества.

В Византии между письменностью и словесностью устной, народной, существовал глубокий разрыв; народный эпос был слабо развит и мало оплодотворял литературу письменную.⁵

Это вытекало из всего общественного строя Византийской империи и ограничивало художественное творчество. Наоборот, в древней Руси народное эпическое творчество играло огромную роль; народная словесность плодотворно воздействовала на письменность и на искусство. Это воздействие можно заметить и в развитии образа Георгия, хотя не все звенья этого развития могут быть ясно прослежены.

В древней Руси образ Георгия как заклинателя и проповедника, все более вытесняется образом Георгия-витязя, героя, победителя. В народной поэзии его именуют «светло-храбрым». В житийное «чудо о змии» проникают мотивы былинного характера.⁶ Отсюда происходят давно замеченные историками черты сходства Георгия с Добрыней Никитичем, который «потоптал змеенышев»,⁷ с Михаилом Потыком, который спасается от змия,⁸ и, наконец, с Ильей Муромцем, конь которого, как у Георгия, выпадает из тучи.⁹ Если еще в древнейших житиях Георгия он выступает в качестве защитника народа от свирепого змия, то в русских духовных стихах Георгию приписывается роль устроителя земли Русской, покровителя земледелия и скотоводства.

¹ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 219 и сл.

² Д. Айналов и Е. Редия. Криво-Софийский собор. Записки Русского Археологического общества, нов. сер., IV, 1890, стр. 231 и сл.

³ Н. П. Лихачев. Материалы по истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 155.

⁴ А. Веселовский, ук. соч., стр. 207.

⁵ А. Кумбасчер. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, стр. 10. — Ш. Диль, ук. соч., стр. 155.

⁶ А. Веселовский, ук. соч., стр. 149.

⁷ В. Миллер. Экспурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 39.

⁸ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 368.

⁹ Там же, стр. 288.